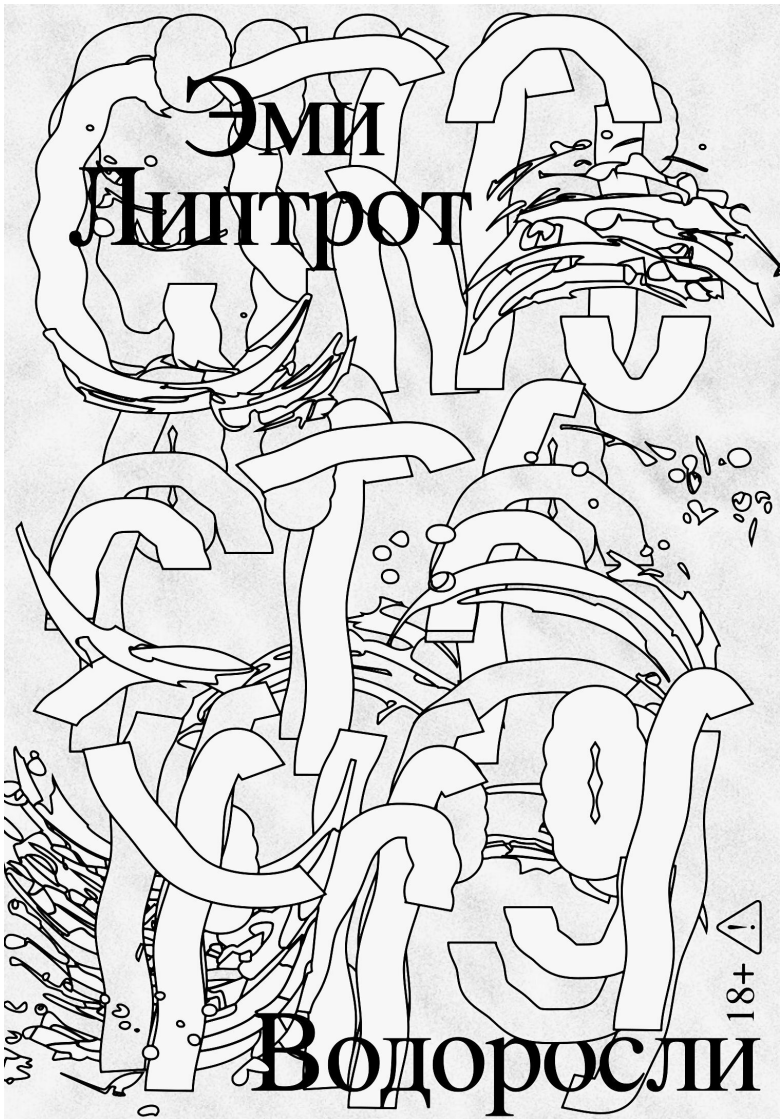
Эми Липтрот



18+

Водоросли

Эми Липтрот
Водоросли

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74927066
Эми Липтрот. Водоросли: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2026
ISBN 978-5-908105-42-2

Аннотация

Новая книга Эми Липтрот, автора отмеченной премиями Уэйнрайта и ПЕН Экерли за автофикшн «Выгон», – медитативное погружение в мир водорослей и прибрежной жизни Оркнейских островов. После смерти отца героиня возвращается на север Шотландии, на крошечный остров Папа-Уэстрей, где прошло ее детство. Формально – чтобы изучать морские водоросли. На деле – чтобы заново научиться дышать.

Сочетая мемуары, травелог и экологическое исследование, автор пишет о материнстве и тревоге, о зависимости и трезвости, о том, как пережить потерю и остаться на плаву. Море здесь – не декорация, а собеседник, метафора хрупкости, стойкости, способности отпускать и возвращаться. «Водоросли» – тихая, пронзительная проза о доме, который невозможно вернуть, и о доме, который можно построить заново из водорослей, соли и памяти.

Содержание

Пролог 5
Дышать под водой 5
Ризоид: экология водорослей 11
Талассофилия 11
Фикология 26
На север 35
Вовнутрь 51
Отлив 66
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Эми Липтрот
Водоросли

Amy Liptrot
The Tangles
Copyright © 2026 by Amy Liptrot (where 2026 is the year of first publication in English) Published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Пролог

Дышать под водой

Ульва продырявленная, или морской салат

(Ulva Fenestrata)

Май выдался туманным – местные говорят, что так здесь бывает часто. Вот уже некоторое время туман то приходит, то отходит, и его разносят по всему острову восточные ветра, дующие с Северного моря. Иногда самолет не долетает до нас несколько дней подряд, и остров Папа-Уэстрей – он же Папей – кажется изолированным. Соседних островов нам не видно, внешний мир затерян где-то вдали, и нас окружают одни лишь безмолвные небеса.

Я бреду по устланной скользкими водорослями приливной зоне в гидрокостюме и неопреновом капюшоне. Позади меня остались дом и пляж, но они уже растворились в тумане, и весь мир вокруг теперь состоит лишь из камней и воды: литораль. Цвета приглушены, а звуки словно набрали

силу: крики крачек, уханье тюленей, плеск волн и мое тяжелое дыхание.

Вода доходит мне до груди, я собираюсь с силами и падаю вперед. Когда уши погружаются в воду, я слышу бульканье. Контраст между серым туманом над поверхностью и яркими красками под ней поражает.

Здесь, внизу, всё пребывает в постоянном движении. Всё выглядит ближе и ярче. Время и пространство ведут себя как-то по-иному. Всё вокруг словно растягивается: объекты кажутся ближе, чем есть на самом деле, а расстояние между ними – больше. Несмотря на все эти перемены в восприятии, надо сохранять спокойствие, медленно дышать и привыкать к маске и трубке.

Я уже четыре месяца изучаю водоросли на этом участке, но мы впервые встречаемся на их территории. Это настоящее откровение. Водоросли воспряли и танцуют. Темно-лиловые порфиры, которые я раньше видела исключительно распластанными на камнях, обрели объем и грацию. Красные пальмарии уже не стелются, а горделиво тянутся ввысь.

Здесь творится настоящее красочное безумие, неведомое верхнему миру. Солнечные лучи преломляются в водной зыби и заливают подводное пространство искристым светом. Ярко-зеленые пучки ульвы продырявленной раздуваются, напоминая какие-то безумные парики. Бурый фукус увеличивается, словно украшенный фестонами воздушный шар. Всё здесь полно жизни, всё напоминает причудливый

цирк.

На Оркнейских островах растут деревья, но настоящие леса скрываются под водой. Леса водорослей – это, можно сказать, шотландский коралловый риф: подводные территории, полные ярких красок, игры света и морских организмов. В ризоидах (своего рода корнях) водорослей – особенно ламинарии – могут жить от тридцати до семидесяти различных видов, сотни особей, включая змеехвосток, бокоплавов, актиний и асцидий.

Фукус на диалекте Оркнейских островов зовут «тангом», а ламинарии – «танглом». Местные легенды рассказывают об оборотне Танжи: он может становиться морским коньком или покрытым водорослями стариком и утаскивать под воду девушек. Смысл этих историй в том, чтобы внушить страх и научить осторожности, но сегодня я с радостью позволяю морю увлечь меня.

Бурые ламинарии отливают золотом: идеальное сочетание с бирюзой воды. По листьям скользят неверные солнечные лучи: водоросли поглощают свет. Их поверхность покрыта мелкими пузырьками с произведенным кислородом. Вода полна частичками, среди которых – репродуктивные споры водорослей.

Я в самой гуще событий: здесь происходит подводный фотосинтез, разворачивается жизненный цикл водорослей. Я пораженно наблюдаю за происходящим, позабыв, что так и лежу на поверхности воды. Достаточно всего лишь погрузить

лицо в воду в нескольких метрах от берега, чтобы увидеть всё это.

Подняв голову над водой, я пытаюсь разглядеть в тумане землю – наш остров, где мы живем уже несколько месяцев. На некоторое время мы стали частью сообщества островитян, которое насчитывает восемьдесят человек. Внешний мир стал казаться очень далеким, а Папа-Уэстрей – центром бытия. Наша жизнь теперь подчинялась расписанию самолетов и паромов, часам работы школы и магазина, перерывам в непогоде. Срок жизни нашей семьи на острове уже перевалил за половину, и я хочу насладиться каждым моментом.

Мы переехали сюда ради водорослей. А может, водоросли были лишь предлогом. Мне хотелось погрузиться в них. Во время отливов я часами бродила по камням, над которыми сейчас плыву. Этот участок называется Сюрхуз-Тэйнг. Я изучала прибрежную зону и размышляла над жизненными циклами водорослей – и собственной семьи.

Обычно май для меня плодотворный месяц, но в этом году всё иначе. На третьем месяце нашей жизни здесь мы понесли тяжелую утрату. Остров помогает мне справиться с потрясением. Туман и морская вода смягчают шок. Плавая с маской, я могу ненадолго забыть о грузе обязанностей и печалей. Я нащупываю свой путь под водой, и порой меня охватывает неожиданное спокойствие.

Бурые ленты химанталии деликатно обвиваются вокруг моих щиколоток и тянут назад при попытке сдвинуться с

места, словно оборотень Танжи пытается удержать меня в скользких объятиях. Я помогаю себе руками. В январе, когда мы только приехали, корешки-ризоиды напоминали пуговицы, но с тех пор они выросли в метровые полосы. Водоросли растут быстро, куда быстрее наземных растений. Одна из местных разновидностей бурых водорослей, саккориза, может вытянуться до двух метров за месяц.

Я ныряю и собираю горсть хондруса – это вид красных водорослей, которые растут на северных сторонах камней. Из хондруса я готовлю лечебный гель. Громко фыркая, всплываю и вижу серого тюленя в нескольких метрах от меня. Взгляд его темных глаз встречается с моим. Он ныряет, и я следую за ним, надеясь увидеть его под водой, но на таком расстоянии ничего не выходит.

В детстве мне нравилось плавать под водой – набрать воздуха, нырнуть поглубже, к самому дну бассейна, а затем оттолкнуться и двигаться, словно крадущаяся акула.

На глубине важно сохранять расслабленность. Надо дышать реже, чтобы сердце билось медленнее и телу требовалось меньше кислорода: так можно дольше оставаться под водой. Пульс замедляется, словно вы слушаете трип-хоп или даб.

Я остаюсь в воде, пока зубы не начинают клацать о трубку. Когда ты плывешь, теряется всякое представление о времени. Наверное, прошло полчаса – но с таким же успехом могло бы оказаться и пять минут, и пять лет. Я поднимаю

голову, не вижу берега и на секунду впадаю в панику. Меня унесло течением? Я в открытом море? Но, повернувшись, с облегчением вижу, что пляж совсем рядом, а на камнях играют мои мальчики. Меня переполняют эмоции, словно я и вправду вернулась из дальнего путешествия. Выхожу из воды и бреду к сыновьям – одному шесть, другому три – и их отцу, возвращаюсь к ним из близкого, но такого незнакомого края. Я стягиваю маску и капюшон, мои волосы пропитаны соленой водой, на лице – широкая улыбка.

Ризоид: экология водорослей (январь – февраль)

Талассофилия

Ламинария северная (Laminaria hyperborean)

Прошлый сентябрь, Йоркшир

Когда наступило осеннее равноденствие, я сбежала к морю. Оставила детей в школе и поехала на восток, мимо болот, в сторону побережья. Уехать одной куда-нибудь утром – мое любимое занятие. Наш городок укрыт в долине, и дорога оттуда стремится вверх, изгибаясь, на вершину холмов, где всё еще царит лето.

Последние несколько лет я живу на юге Пеннинских гор; это хребет страны и самое удаленное от моря место, которое только можно найти во всей Великобритании: до Блэкпула два часа на запад, до Скарборо – два часа на восток.

В нашем городке бурлит жизнь, тут родились мои дети, и я

стала частью сообщества. В нашем краю есть леса, реки, горы, торфяники, множество укромных тропок для прогулок, горных озер и водопадов для купания, но моря здесь нет. Поскольку я выросла на острове, меня всегда тянет к морю.

На карте осадков Великобритании вдоль Пеннинских гор проходит темно-синяя полоса. Благодаря высокому уровню влажности наш город и разросся: реки раньше приводили в действие водяные мельницы на текстильных фабриках. В долине воздух полон влаги, реки полноводны и часто разливаются. После сильных дождей вода хлещет из самых неожиданных мест и заливает дороги. Но в этом изобилии нет ни океана, ни берега, ни водорослей.

По пути на восток в нескольких милях от побережья свет становится иным: солнце отражается от морской воды и озаряет небо. Так океан заявляет о себе. Я же обитательница долины: бледная, отсыревшая, растерянно моргающая.

Нашему младшему сыну недавно исполнилось три, мы отдали его в детский сад, и в нашей жизни появилось новое пространство. Эти первые три года мы провели в уютном коконе. Наша семья сложилась внезапно, без подготовки, но, к моему ежедневному облегчению, работает слаженно. Я чувствую удовлетворение и нежность, заботясь о детях. Меня даже немного разочаровало то, с какой готовностью я вжилась в роль матери, учитывая, насколько независимой себя считала.

Но иногда меня охватывает непокой. Я не планировала за-

держиваться в этом маленьком городе, куда приехала на зимовку. Все мои вещи тогда помещались в одном рюкзаке, я сняла крошечный домик и установила приложение для знакомств. Всё остальное – дом рядовой застройки, автомобиль с кузовом, крючки для детских курток на крыльце, банальное довольство жизнью – произошло как бы случайно. На протяжении своих последних детородных лет я не раз видела на примере друзей, что жизненные повороты чаще случаются ненамеренно или по недосмотру, чем согласно плану. Не успела я пожелать завести семью, как всё уже произошло, и я с готовностью погрузилась в новую жизнь – так же благодарно, как проводила предыдущие, свободные годы.

Последние шесть лет были посвящены любви и заботе, а также бесконечным делам – пожарить яичницу, уложить спать, – но этим делам предстояло внезапно закончиться, оставив после себя ощущение свободы и печали. Дети неумолимо растут и требуют полной отдачи, и я покорялась их нуждам. Эти годы мы были постоянно вместе – дети спали рядом со мной, сидели у меня на руках. Теперь же мы всё чаще в разлуке. Я покидала эпоху беременностей и кормления и выходила из этой туманной долины, растерянно моргая на ярком прибрежном свету.

Я приехала в Скарборо. После окончания туристического сезона парковочных мест здесь хоть отбавляй. В тени замка вдоль побережья пролегает дорога, ведущая прочь от бухты и пляжных увеселений. На длинной площадке уже припар-

ковано несколько фургонов, похожих на мой. Выключив мотор, я слышу крики чаек и гул Северного моря.

Солнце садится в шесть вечера. Сегодня нас ждет двенадцать часов ночи после двенадцатичасового дня. В мире ненадолго воцарится баланс. Я всегда любила дни равноденствия и солнцестояния и рада, что у меня появились друзья, с которыми можно залезть на холм, чтобы встретить июньский закат или декабрьский рассвет, или окунуться в холодную воду, чтобы отметить солнцестояние. Десять лет назад мы всей компанией уехали с вечеринки, посвященной летнему солнцестоянию, и купались в заливе Скейл. Мой отец отвез нас туда в своем автомобиле, в котором громыхала музыка, и, к моему изумлению, стянув на пляже одежду, залез с нами в воду.

Сегодня наступает темная половина года, и я планирую писать до глубокой ночи. В моем фургоне есть плитка, и я ставлю чайник: с собой у меня лапша быстрого приготовления и газировка – долгожданный праздник после здорового домашнего питания. Открываю пакет чипсов, достаю книгу о водорослях, и тут звонит телефон. Я испытываю досаду, увидев, что это отец. Обычно он звонит, когда выпьет, и без конца задает одни и те же вопросы. Сейчас у меня нет сил на эти разговоры: драгоценного времени слишком мало. Я не отвечаю.

В задней части фургона лежит большой матрас. Обычно мы спим на нем вчетвером, но сегодня я могу раскинуться

там в одиночестве. Мне часто снятся мелкие острова – Норт-Роналдсей, Хой, Папа-Уэстрей – или же киты, побережья, море. Во сне меня одолевает тоска по соленой воде, подобная жажде.

Каждое весеннее равноденствие я отмечаю очередной год трезвости. Их набралось уже двенадцать с половиной. Каждое осеннее равноденствие я украшаю книжные полки светящимися гирляндами. Мой партнер Дом соорудил полки от пола до потолка – всегда о таких мечтала, – и я забила их книгами, которые таскала из одного угла в другой в свои двадцать и чуть за тридцать. Мы живем в этом доме уже пять лет – это мой самый долгий период на одном месте после оркнейской фермы в детстве. Мы привели его в порядок. Наш дом высокий и узкий, его построили в 90-х годах XIX века для работников текстильной фабрики. Внутри – старые камины, высокие потолки и две узкие лестницы, по которым я бегаю целыми днями с одеждой и игрушками в руках. Он стоит на середине холма, и из северных окон видно фабрику, густо застроенный склон по другую сторону долины, а дальше – вересковые пустоши.

Жизнь в маленьком городке – уютная, комфортная, но иногда может вызывать ощущение клаустрофобии. Наш уличный чат заполнен обсуждениями мусорных баков и парковочных мест, и мне это кажется душным. Теснота здесь определяется самой топографией долины и архитектурой: мы спрятаны в центре страны, не имеем выхода к морю и

дома здесь мостятся на голове друг у друга. Из окон я могу наблюдать за соседями. А ведь на острове или на побережье я бы глядела на горизонт и настоящий океан.

Тоска по дому всегда со мной. Мысленно я называю домом Оркнейские острова и порой думаю, доведется ли мне когда-нибудь вернуться туда. Я скучаю по суровой природе северных островов, их просторам, их свету. Мне хочется, чтобы сама моя жизнь стала просторнее и светлее.

Хотя мы и прижились в этом доме, я всегда ощущала, что появление детей – это не конец всем приключениям. Я всё еще могу заниматься тем, что люблю, следовать зову сердца, просто теперь они рядом со мной и мы вместе растем и учимся новому. Мы вместе ищем мегалиты на пустошах и съедобные растения в лесах. Когда Робин был еще младенцем, мы целое лето путешествовали по Франции в трейлере, а маленький Айвор ездил со мной в командировку в Алжир. Мы передвигались на поездах и кораблях. После каждого путешествия я возвращаюсь домой без сил, но уже через несколько месяцев ищу новые приключения.

В последнее время я всё чаще и чаще задумываюсь, а не вернуться ли мне домой, на острова. Мы чувствуем себя на своем месте в Йоркшире, посреди нагромождения дымоходов и узких улиц, построенных в расчете на тягловых лошадей, но моя личность формировалась у моря, среди овец. Тяжелее всего мне в плохую погоду, когда в прогнозе обещают шторм на островах, и я звоню папе спросить, не унесло ли

ветром трейлер.

Я талассофил, я выросла на острове, а теперь живу вдали от моря. Сложно не ассоциировать себя с селки – мифическими морскими созданиями, которых мужья разлучили с морем. Оказавшись в ловушке, вдали от воды, селки рано или поздно срываются. Мне нужно научиться жить на суше, не срываясь. А для этого надо впустить в жизнь частицу моря.

По утрам Северное море поворачивается к солнцу, и свет, отраженный от воды, творит чудеса. Наступил час отлива, и я гуляю по приливной зоне пляжа Скарборо в резиновых сапогах, с пакетом и кухонными ножницами. Я срезаю несколько побегов водорослей – фукус спиральный, фукус зубчатый и химанталию – повыше, чтобы они без проблем отросли заново, и укладываю в пакет.

На берег вынесло один из видов ламинарии – крупных бурых водорослей, напоминающих пальмовый лист. Хотя водоросли внешне похожи на растения, у них нет некоторых присущих растениям клеток. Нет у них и листьев, стеблей и корней: их тело состоит из пластин, стволика и ризоидов.

Водоросли обычно можно найти на каменистых берегах. Они нуждаются в мелководье, хорошо освещенном и богатом питательными веществами, а также в поверхностях, к которым можно прикрепиться. Крепятся водоросли с помощью *ризоидов* – обычно к камням, но мне доводилось видеть водоросли, которые прикрепились к причалам, раковинам,

гальке, металлу, цементу, канатам, пластику и другим водорослям.

Ризоиды не извлекают питательные вещества так, как это делают корни растений. В море водоросли буквально окружены необходимыми им растворенными органическими веществами и солнечным светом, который они поглощают своими *пластинами* – широкими листоподобными частями, хорошо различимыми, например, у ламинарии.

Пластины крепятся к ризоидам с помощью *стволика* – своеобразного аналога стебля. У ламинарий этот стволик ярко выражен, что характерно не для всех водорослей. Вместе стволик и пластины называются *вайей,* а тело водоросли целиком – *слоевищем* или *талломом*.

У этой ламинарии – слоевища северной ламинарии, – которую я разложила на пляже, крупный и гибкий ризоид, легко крепящийся к побитым волнами камням. Стволик у нее длинный, толстый и изгибающийся, что позволяет ламинарии колебаться в волнах. Пластины истрепанные: водоросли постоянно растут и видоизменяются.

Водоросли развили в себе определенные качества, которые помогают им выживать в экстремальных условиях. Я еще не до конца поняла, почему меня так тянет к этим странным древним организмам. Поднимаю ламинарию, и та повисает у меня в руках: ее длина не меньше моего роста. Кружусь с ней, словно мы танцуем, и глубоко вдыхаю морской воздух.

Я приехала к морю, чтобы проветрить голову, чтобы читать, писать, думать и плавать. Скарборо я выбрала потому, что хочу посетить «Сигроун» – недавно открывшуюся ферму водорослей. Дорога мимо развлекательных центров и кондитерских ведет к пирсу, где стоят лодки «Сигроун». На «Южной звезде» располагается инкубатор и центр обработки: здесь из собранных водорослей изготавливают различные продукты, включая еду и уходовые средства. Еще тут есть кафе, где мне приносят тосты с копченой пикшей и водорослями. Рядом с «Южной звездой» пришвартована «Синева», которая выходит в море и обслуживает фермы. Скарборо считается устаревшим курортом, сюда ездят одни пенсионеры; тем радостнее видеть тут новое предприятие, которое появилось благодаря водорослям.

Перекусив, я оставила на пляже одежду, сумку, телефон и, собравшись с духом, погрузилась в воду. В море еще ощущаются остатки летнего тепла, и я качаюсь в легких волнах рядом с серферами. На поверхности воды плавает оторвавшаяся от своих ризоидов пельвеция, я ловлю ее и цепляю за лямку купальника.

Пока я греюсь и пью чай на берегу, внутренние часы сообщают, что Дом скоро будет забирать детей из школы и детского сада. Немного тревожусь из-за того, что я так далеко от них, и надеюсь, что у них всё хорошо. Пока я любуюсь лодками в заливе, мне звонит мама и говорит, что папа попал в

больницу с воспалением легких. Накануне вечером ему стало плохо и он вызвал скорую помощь. Я внезапно понимаю, что надо было ответить, когда он звонил. Меня подвели инстинкты: я волновалась за детей, тогда как стоило думать о родителях. Надо было поговорить с папой.

Вернувшись домой, я перехватила вахту у Дома и уложила детей спать. Когда они заснули, я взяла пакет с привезенными из Скарборо водорослями и закрыла за собой дверь ванной. Водоросли, эти переплетенные фракталы в нежных тонах, хранят в себе солнце и море, но уже начинают портиться. Надо как можно скорее их использовать.

Для начала я как следует промываю их в холодной воде, чтобы избавиться от песка, гальки и мелких насекомых. В слив отправляется несколько бокоплавов.

Заткнув слив пробкой, я включаю горячую воду, и водоросли преображаются: из бурых они становятся ярко-зелеными и выделяют жидкий гель. Так высвобождается очень полезный коричневый пигмент фукоксантин, что позволяет нам увидеть зеленый хлорофилл.

Многие люди употребляют водоросли ежедневно. В списке ингредиентов зубной пасты Aquafresh, которая стоит у нас на полке, значится каррагинан. Получаемые из водорослей гидроколлоиды, или гидрогели (альгинат, агар и каррагинан), широко используются в пищевой, косметической и фармацевтической промышленности. Каррагинан (E407) –

это экстракт красных водорослей, который добавляют в зубную пасту, молочные коктейли и мороженое. Его можно найти и в соусах для салатов, и в густой шапке пены в стакане пива.

Я мешаю получившийся настой, и водоросли мягко колеблются в воде. Они свободно двигаются в волнах, переплетаются и распутываются благодаря тем же качествам, которые позволяют молочному коктейлю, содержащему каррагинан, легко стекать в глотку, а зубной пасте – тягуче укладываться на щетку. Полученным из водорослей гидроколлоидам постоянно придумывают всё новые и новые варианты применения: на недавно прошедшем Лондонском марафоне бегунам раздавали воду не в пластиковых бутылках, а в съедобных пакетиках, сделанных из альгинатов.

Моя ванна начинает напоминать прибрежную зону во время прилива: водоросли ожили и явили свою красоту. Фукус спиральный плывет, поддерживаемый пластинами, а зубчатый опустился: так водоросли в природе занимают разные экологические ниши.

Я добавляю английскую соль, чтобы вода еще больше напоминала морскую, и сажусь в ванну, нашу домашнюю литораль, закрываю глаза и вдыхаю запах моря. На выдохе мои плечи расслабляются. Химанталия мягко обвивает меня, и я ощущаю себя русалкой в теплом море. Водоросли богаты минералами и магнием, который часто используют в качестве снотворного – после ванны с водорослями я сплю как

младенец.

Горячая ванна – мой способ расслабиться, и я всегда с нетерпением жду, когда дети наконец уснут и мои заботы растворятся в воде. Иногда я читаю, иногда – слушаю аудиокниги, но чаще всего просто лежу и отдыхаю. Сейчас же я жую веточку фукуса – приятно-упругую, со сложным солоноватым морским привкусом. Так море становится частью меня: в водорослях много тех питательных веществ, которые содержатся в рыбе.

Ко мне присоединяется Дом. Некоторые из наших лучших разговоров выглядят именно так: я лежу в ванне, он сидит на закрытом унитазе. Мы наконец-то смотрим друг на друга после того, как весь день кормили и одевали детей, писали друг другу, что стоим в пробке на шоссе и надо купить молока, и, обессилев, проводили время в интернете (я в спальне листала соцсети, а он внизу – онлайн-аукционы). Я меняю положение обмотанных водорослями ног – одну вытягиваю, другую сгибаю, – чтобы доставить удовольствие в равной мере и себе, и ему. Иногда Дом забирается ко мне в воду, чтобы смыть гаражную грязь с пальцев и смазку, которая держится днями.

Мы оба уверены в своих силах и исповедуем принцип независимости, а порой – недооцениваем потенциальные сложности. В этом партнерстве мы часто рискуем, но тем слаще победы, мы беремся за дело, и всё получается: ребенок через год после знакомства, ремонт старого дома, путе-

шествия в фургоне с маленькими детьми.

– Есть идея, – произношу я. – Я говорила, что мне хотелось бы вернуться домой, помнишь?

Дом слегка напрягается. Времени, проведенному нами вместе, всегда сопутствовало своего рода подводное течение: он знает, что я скучаю по островам, а я знаю, что сердце его – здесь, в Йоркшире.

– Я вдруг поняла, что нам необязательно решать раз и навсегда. Мы можем сдать этот дом – желающие всегда найдутся – и уехать на несколько месяцев или на год. Не навсегда.

Дом молчит, и я начинаю чувствовать себя кем-то вроде рекламного агента.

– Когда я была дома, особенно на Папее в прошлый раз, мне так хотелось, чтобы дети пожили этой островной жизнью. Это же уникальный опыт. Я могу узнать, сдаются ли там какие-нибудь дома.

Мне хочется, чтобы мои дети пережили часть моего детства – благотворную, определяющую. Хочется быть там, где море, птицы, соленый воздух. Открытые просторы Оркнейских островов позволяют ощутить само присутствие неба, погоды, луны, перемены времен года.

– Это пойдет им на пользу. Чем младше они будут, тем лучше. Они сейчас так легко ко всему привыкают. И тебе это не повредит.

Дом никогда не жил за пределами Западного Йоркшира, но я же знаю, как легко он заводит друзей, как много уме-

ет делать руками, а на маленьком острове без этого не обойтись.

– Ты мог бы взять фургон и работать из дома, не придется тратить время на дорогу.

Свою речь я произношу, раскрасневшись от горячей ванны.

– А мне хотелось бы серьезнее заняться водорослями. Я думаю, это может стать решением…

– Чего?

– Чего угодно. Чем больше я узнаю об этом, тем больше мне кажется, что водоросли способны решить любую проблему.

Я читала, что водоросли могут использоваться для «биоремедиации»: очистки рек, озер и других водоемов от сельскохозяйственных отходов природными средствами. Что выброшенные на берег водоросли на линии прилива предотвращают эрозию, а леса водорослей в воде ослабляют силу волн.

– Решение проблемы с климатом! Закисления океана! Недостатка пищи!

Меня несет сила убеждения: порой, в промежутках между периодами бездействия, я испытываю подобные приливы сил и творческой энергии.

– Кроме того, мне бы хотелось провести время с папой, – завершаю я свою речь.

В мае 2021 года мы ездили на Оркнейские острова. По-

ездка пришлась на промежуток между пандемией и папиным выходом на пенсию. Робину тогда было три года, и он всюду ходил за дедушкой, кормил вместе с ним овец и птиц, ездил на тракторе. Мне хочется, чтобы дети провели больше времени с моим отцом.

– Поможем ему. По выходным будем ездить на ферму, а он сможет навещать нас на Папее. Мне хочется побыть с ним сейчас, он же не молодеет.

Не знаю, что стекает у меня по лицу – слезы ли, вода ли.

После ванны с водорослями кожа у меня шелковая и увлажненная. Мне удалось принести частичку природы с пляжа прямо к себе домой. Мои чувства обострены, кожа гладкая и слегка соленая, мышцы расслаблены.

Дом никогда не планировал переезжать на Оркнейские острова, но он готов на этот шаг ради меня. Он часто выражается уклончиво, но, слыша от него сейчас: «Надо бы вспомнить оркнейские словечки», я понимаю, что он в деле. Нас охватывает жажда действия, восторг перед безграничными возможностями водорослей – и нашего союза.

Фикология

Фукус спиральный (Fucus spiralis)

В последнее время водоросли то и дело окружают меня, и я с радостью поддаюсь их странному очарованию. В местах вроде Флориды, Сицилии или острова Скай туристов катают на лодках со стеклянным дном, чтобы они могли полюбоваться морскими организмами. Я хочу стать такой лодкой со стеклянным дном.

Как-то раз я прочитала статью об «аквакультуре» северо-восточного побережья США, и меня поразили употреблявшиеся там выражения «океанские фермеры» и «экологическое искупление». Мне никогда раньше не приходилось слышать, чтобы кто-то собирал урожай водорослей, видел в них ценность, и я тут же представляю, что это может значить. Мой отец – фермер, я выросла у океана, и меня глубоко тронула идея об экологически безопасном океанском сельском хозяйстве, которое могло бы стать частью новой синей и зеленой экономики. В той статье говорилось о питательных свойствах водорослей, их экологичности, возможности использования в качестве биотоплива, корма для животных и поглотителя углекислого газа. Мне кажется очень романтичной идея улавливать саму суть моря в чем-то действительно

полезном, вещественном и собирать силу океана как урожай.

Моя знакомая с Оркнейских островов консервирует местные виды водорослей и продает их на рынке, хотя ей и приходится платить экосбор. На острове Норт-Роналдсей занимаются охраной местной породы овец, которая питается водорослями. Поэтесса Хармони Холидей пишет: «Меня завораживает ламинария как не открытый еще источник нашего искупления». Всё это будоражит меня, постоянно присутствует в мыслях и кажется путем, по которому я должна следовать.

Мне открываются самые разные способы использования водорослей, порой крайне неожиданные. Вороны используют их наряду с сухой травой и шпагатом как строительный материал для гнезд на скалистых уступах. В прошлом врачи применяли тампоны из водорослей, чтобы способствовать раскрытию шейки матки во время родов. В зубной капе, которую я надеваю на ночь, чтобы не скрежетать зубами, присутствуют альгинаты. Одна шведская художница создает из высохшей ламинарии скульптуры. Считается, что в случае ядерной зимы водоросли станут важным продуктом питания благодаря живучести и высокому содержанию йода. Кроме того, водоросли используют как среду для выращивания грибов, альтернативный проявитель для фотографий, материал для экологичной упаковки без пластика и набивку для мебели.

Много лет назад мои друзья, пребывая в возрасте юных ге-

ниев, изобрели философию под названием *фиксационализм*. Если я правильно помню, идея заключалась в том, что в каждый период жизни человеком должна двигать одна всеобъемлющая страсть. Нет смысла в полумерах: важно лишь продуктивное, всепоглощающее безумие.

Водоросли попадаются мне повсюду: в СМИ, в магазинах, в пищевых добавках, обещающих полное оздоровление. Мне уже доводилось так зацикливаться на чем-то: я вообще склонна к зависимостям, к одержимости, но теперь мне хочется дать этим склонностям более здоровый выход.

Постепенно различные продукты в моем доме заменяются сделанными из водорослей. Из водорослей изготовлены шампунь, мыло, масло для ванны, увлажняющий крем и бальзам для губ. На кухне хранятся упаковки сушеных водорослей нори и приправа из водорослей. Отдельная полка выделена под образцы, собранные на пляжах, а на стенах висят высушенные под прессом водоросли, ими же украшен чехол для телефона. На столе – стопки посвященных водорослям книг. Алгоритмы подкидывают мне всё новые статьи на эту же тему. Так океан понемногу проникает в наш далекий от побережья дом.

Водоросли входят в моду. Собирательство – это новый тренд. Открываются специализированные курсы, выходят тематические кулинарные книги. В ресторанах подают морской укроп и крапиву. Карикатуры высмеивают городских жителей, собирающих дикий чеснок. Этот внезап-

но проснувшийся интерес к дарам природы отражает желание прикоснуться к источнику, к земле, вспомнить мудрость предков.

Водоросли окружали меня с детства, но я только сейчас начинаю осознавать их ценность. Как будто всё вокруг стало обретать резкость, обрастать новыми возможностями. Мне хочется соединить теоретические знания с личным опытом: это раньше приносило мне удовлетворение. Воображение мое бурлит и выстраивает новые связи. Я жажду большего.

Увлечение набирает обороты. Я вступаю в ряды Британского фикологического общества. Фикология (не путать с микологией) – это изучение водорослей [1]. Общество было основано в 1952 году, чтобы те, кто занимается полевой работой(вернее, водной), могли делиться своими открытиями и идеями.

По почте присылают *European Journal of Phycology* («Европейский журнал фикологии»). Пролистывая его, я вязну в научных статьях, таблицах и диаграммах и в итоге использую журнал вместо коврика для мыши. Эта сфера продолжает меня интриговать и завораживать. Я решаюсь посетить ежегодный съезд Британского фикологического общества. Меня почему-то будоражит сама идея поехать на малоизвестную научную конференцию в Ньюкасле.

Так я впервые за двадцать с лишним лет вернулась в уни-

[1] В русском языке более распространен термин «альгология». – *Примеч. пер.*

верситет. Какое счастье, что мой кризис среднего возраста проявляется не в изменах мужу или пластических операциях, а в увлечении морскими водорослями.

Я стала одной из восьмидесяти пяти участников конференции, которая проходит в величественном университетском здании из красного кирпича. Большинство собравшихся приехало из других университетов или государственных учреждений (например, агентства по вопросам сохранения природы Natural England). Сидя в аудитории после перерыва на кофе, я ощущаю куда больше благодарности и интереса к происходящему, чем в свои восемнадцать, когда изучала искусство. Сейчас возможность выделить время на то, чтобы учиться чему-то новому, кажется настоящей роскошью: пара дней вдали от детей и домашних обязанностей.

Я здесь чужая: доклады ученых далеки от моего понимания. Это и вдохновляет, и отрезвляет. Я не учила биологию даже на начальном уровне. Вместо биологии у меня была математика и физика, поэтому сейчас мне приходится стремительно заполнять пробелы и разбираться в новых понятиях и терминах.

Мне хочется напитаться духом, самой культурой этого мероприятия. Большинство фикологов – женщины, довольно молодые, есть и аспиранты, которым не исполнилось еще и тридцати. Среди опытных ученых тоже преобладают женщины.

Атмосфера на конференции спокойная, уважительная.

Выступающие благодарят наставников и предшественников. Вместо громких заявлений здесь приняты сдержанные высказывания. Ученые склонны взвешивать свои слова и стремятся к точности в речи, что разительно контрастирует с манерой выражаться, популярной у журналистов или бизнесменов. Одеты собравшиеся неброско, но иногда встречаются украшения или принты в морской тематике. Кто-то из докладчиков называет ламинарию пальчаторассеченную «пальчиками».

Пытаюсь разобраться в основах. Водоросли – одна из самых разнообразных, древних и недооцененных форм жизни. Под термином «водоросли» главным образом понимают морские макроводоросли. Микроводоросли – это крошечные и, как правило, одноклеточные организмы, в то время как макроводоросли – то, что мы привыкли называть водорослями. Ученых, изучающих морские водоросли, называют макрофикологами или альгологами.

Разнообразие водорослей потрясает. В мире существует более десяти тысяч видов: около семи тысяч видов красных водорослей, двух тысяч бурых и более тысячи зеленых. Побережья Великобритании – одни из самых богатых в этом отношении: здесь обитает около шестисотпятидесяти видов водорослей, что составляет свыше 6 процентов от мирового количества.

Водоросли с трудом поддаются классификации, и с года-

ми их таксономию не раз пересматривали в связи с новыми научными открытиями. На самом деле различные типы водорослей – красные, бурые и зеленые – не так уж и близки друг другу. Бурые водоросли в современном понимании относятся к иному царству, чем красные и зеленые, но их объединяет ряд общих характеристик. Все они получают энергию из солнечного света (то есть представляют собой *фотоавтотрофы*), а питательные вещества – из воды с помощью пластин, производя сахара и крахмалы. Все они содержат хлорофилл, а красные и бурые водоросли – еще и дополнительные пигменты, которые позволяют им улавливать лучи разной длины.

Для роста водорослям не нужны ни земля, ни удобрения, ни пресная вода. По сравнению с наземными растениями они используют меньше пространства и ресурсов для производства той же биомассы. Водоросли – это удивительные организмы, выживающие исключительно за счет солнечного света и морской воды.

Водоросли распространены повсюду и прикрепляются к камням. Единственная разновидность водорослей, которая может свободно перемещаться в воде, – это саргассовые водоросли. Считается, что леса водорослей суммарно занимают около четверти береговой линии во всём мире, и постоянно открываются новые участки, но эта область – как и весь океан в целом – недостаточно изучена. В XVIII веке одна из крупнейших отраслей Хайленда и островов была свя-

зана с водорослями. Они предохраняют побережья от эрозии. Водоросли – существенная часть рациона многих азиатских стран. Играя важнейшую роль в производстве кислорода, водоросли во многом способствуют поддержанию жизни на земле. Несмотря на это, альгология считается нишевой областью знания, и британские специалисты по водорослям легко умещаются в небольшую аудиторию.

Профессия альголога интересна тем, что водоросли изучены хуже, чем наземные растения, а значит, в этой области регулярно случаются открытия. Каждый год обнаруживают более полусотни новых видов водорослей. Альгологи не чураются приключений: они отправляются за новыми образцами в масках, гидрокостюмах и болотных сапогах, сплавляются на каяках, плавают с трубкой и ныряют с аквалангом по всей стране, по всему миру.

Участники конференции рассказывают, например, о том, как выделяют полезные вещества из водорослей при помощи пара, изучают применение каррагинана в питании, исследуют фермы водорослей вблизи ветряных установок и изготавливают из пигментов водорослей чернила. Одна из докладчиц добавляла микроводоросли в водоэмульсионную краску (создавая тем самым «живую краску»), а потом объединяла ее с люфой для создания «живых биокомпозитов», имитирующих лишайники. Эти биокомпозиты могут использоваться в опреснительных установках для фильтрации.

В последние годы произошло важное изменение: переход от морфологической таксономии к молекулярной. Теперь для классификации водорослей не исследуют их под микроскопом, а применяют секвенирование генома.

Эти ученые из Британского фикологического общества сосредоточены на узких темах и при этом пополняют общий фонд знаний. Присутствующие здесь докладчики с их презентациями в PowerPoint – это нынешнее поколение исследователей морских водорослей, то есть те же ныряльщики прошлого, но образца XXI века.

Я уезжаю домой с целым списком имен и теорий, которые хочу изучить подробнее, и с огромным желанием самой приступить к экспериментам. Но для того, чтобы ответить на зов водорослей, мне нужно найти дорогу домой, к морю.

На север

Осмундея перисто-надрезная (Osmundea pinnatifida)

Перемещаясь в сторону севера, мы двигаемся по меридиану, вертикальной линии на карте. Чтобы через Оркнейский архипелаг попасть на остров Папей, нам предстоит преодолеть пятьсот миль в северном направлении. На это уйдет около недели.

Многих путешественников прошлого влекло на запад, к заходящему солнцу, но меня тянет на север: я покоряюсь Полярной звезде, следую стрелке компаса. У выходящих на юг окон есть преимущества, но мы, северяне, знаем, что у вида на север есть свое очарование. Моя постель и рабочий стол в Йоркшире обращены к северу, как и некогда моя детская комната. В северном небе можно увидеть полярное сияние и серебристые облака, а летними ночами оно не темнеет. На севере особый свет, летом небо безбрежно, а зимой заключает тебя в темные объятия. Когда я двигаюсь на север, меня словно магнитом тянет домой.

Перед отъездом я не сплю уже вторую ночь и на рассвете ищу наши документы, снимаю показания счетчиков, думаю

о ключах, постельном белье, прогнозе погоды, подгузниках, стирке, уборке, куртках, обуви и заброшенном плане тренировок. Надо вернуть книги в библиотеку, отвезти ненужные вещи в благотворительный фонд, доесть оставшееся в морозилке, поблагодарить всех за рождественские подарки. Вечно я увлекаюсь масштабными идеями (вроде переезда на маленький остров в самый разгар зимы), а потом вынуждена думать, как их реализовать.

Мне удалось найти хозяев одного из пустующих домов на Папее, и они согласились сдать его нам на несколько месяцев. Дом расположен на живописном участке побережья, который я помню еще с тех пор, когда сама жила на острове: характерный изгиб песчаного пляжа на восточной стороне. Когда-то я даже была в этом доме, в гостях у пары, которая жила там тогда: мы пили чай в комнате с видом на море и крошечный необитаемый островок Хоум.

С помощью соцсетей мы договорились с находившимися в поисках жилья знакомыми знакомых, что они переедут в наш дом на время, пока мы в отъезде. Мы забрали детей из йоркширской школы и зарегистрировали их в шотландской. Я хотела уехать на год, но мы условились на шесть месяцев: таким образом, нам предстояло приехать на остров в январе, когда начинается учебный семестр, и уехать с началом летних каникул. Это возможно, поскольку мы с Домом оба фрилансеры. Мы ценим, что удается осуществить задуманное, хотя планирование и подготовка всё равно отнимают много

сил.

Переезд дается непросто. Мы прощаемся с друзьями, близкими, налаженным бытом, уютной маленькой школой и детским садом. Мы покидаем город, где родились наши дети, покидаем маму и старенькую бабушку Дома. Груз ответственности велик, и во сне я скриплю зубами от напряжения.

Когда в жизни грядут перемены, мне всегда хочется купить что-нибудь мягкое. Перед родами я подолгу выбирала лучшие пеленки. Перед грандиозным автомобильным путешествием по Италии и Португалии (Айвору был год, Робину – три) я покупала подушки, а теперь, перед отъездом на Папей, – постельное белье. Игнорируя заголовок, сообщающий, что человечество испытывает Землю на прочность, открываю статью о положительном влиянии коллагена на кожу и волосы.

Благодаря отъезду я вижу, какой замечательный у нас город: мостящиеся на холмах дома, вересковые пустоши вокруг. Зимы здесь мрачные и сырые, но за эти годы я научилась подмечать, как меняются деревья и свет с наступлением того или иного времени года. Лучшее время здесь бывает осенью, когда образуется инверсионная облачность: в глубине долины стоит туман, а над ним светит солнце.

Каждый год в конце октября наступают дни, когда послеполуденное солнце опускается так низко, что заходит за теплицу на другом конце долины. Теплица сверкает, и этот отраженный свет, проходя через старые стекла в наших окнах,

падает бликами на стену у моего стола. Для меня это часть календаря, каким когда-то служили древние каменные круги.

Одна из достопримечательностей нашего района – расположенный на вершине самого высокого холма обелиск Студли-Пайк, представляющий собой вытянутую ввысь пирамиду, стоящую на кубическом основании. Местные дети буквально помешаны на этом обелиске: его рисуют, обсуждают, видят во сне. Студли-Пайк возвышается над нашей долиной, и если ты видишь его в пути, это значит, что дом уже близко. Мы покидаем наш обелиск. Вместо него у нас теперь будут силуэты холмов на острове Хой.

Наш дом стоит в ряду аналогичных зданий из песчаника. Передние двери выходят прямо на улицу: сама архитектура здесь предполагает общинное существование, особенно когда светит солнце. На нашей улице живет около полусотни человек, немногим меньше всего населения острова Папей. Примерно столько людей требуется для создания минимально функционирующего общества. На досках у кафе и магазинов висят объявления, приглашающие прохожих посетить семинары по медитации, политические собрания, кабинеты психотерапевтов или концерты медных духовых инструментов. Многие жители здесь заняты делом, стараются что-то изменить. Мне нравится забирать мальчиков из школы, ходить в магазин здорового питания, прикасаться к стволу ивы у старого арочного моста (это приносит удачу), заглядывать

в паб, где работает подруга, и заказывать там картошку фри и горячий шоколад.

После Рождества я навожу чистоту в доме и складываю вещи, раздаю ненужную одежду и игрушки, выбрасываю просроченные лекарства и продукты. Дети пакуют игрушки, которые хотят взять с собой, – каждый по корзине.

Мы отправляемся в путь первого января – на север, в новый год, в новую жизнь. Было решено взять два автомобиля, чтобы Дом мог работать в фургоне и на нем же вернуться, когда придет время. Машина забита вещами, а в фургоне едут инструменты Дома и большие доски. Сколько бы мы ни готовились к путешествиям, отъезд всегда сопровождается полным хаосом, и мы трогаемся в путь куда позже, чем планировали. Первую ночь мы проводим у границы Шотландии, на автомобильной площадке в Гретна-Грин.

Дети едут в фургоне с Домом. Они привыкли к долгим путешествиям и в пути впадают в задумчивую мечтательность. Оставшись наедине с собой в машине, я расслабляюсь. По пути на север я всегда чувствую себя лучше всего: по мере того как небо становится шире, мысли очищаются. Мы регулярно останавливаемся в отмеченных заранее на Google Maps местах.

После Глазго дороги становятся спокойнее. Мы преодолели уже половину пути, но вторая займет больше времени: нам предстоит ехать между горами Хайленда и Кернгорма, где связи уже не будет. Ночь мы проводим припарковав ав-

томобили на участке приятеля рядом с Инвернессом.

Затем мы едем дальше, по трассе A9, по восточному побережью через область Кейтнесс, – к самому северу Шотландии. В Скрабстере мы встаем в очередь из автомобилей, ожидающих парома, который отбывает к Оркнейским островам в шесть вечера.

Поездка на пароме занимает полтора часа. Всё гремит и качается, мы едим макароны с сыром и картошку. Слишком темно, чтобы увидеть холмы на острове Хой, но я вывожу детей на палубу, когда мы прибываем в Стромнесс: береговая линия здесь очерчена светящимися окнами. Мне вспоминаются все прошлые возвращения домой, все периоды штормов. Сегодня море спокойно, и нас ожидает получасовой путь по знакомым островным дорогам: мама живет в Керкуолле, и мы проведем у нее два дня, прежде чем отправиться в пункт нашего назначения, на остров Папа-Уэстрей.

Третьего января мы впятером – я, Дом, дети и мама – едем навестить папу на ферму, где я выросла. День холодный и сырой, в полях стоит вода, земля размокла и отяжелела.

Несколько лет назад папа переехал из разваливающегося трейлера семидесятых годов в стоящий по соседству трейлер поновее, восьмидесятых. От горячего чая и дыхания шестерых человек, набившихся в тесное пространство, окна запотевают. Дети сегодня еще не играли на улице и сходят с ума: скачут по сиденьям, хватают дедушкины очки, откры-

вают его ящики, забитые ножницами, кусачками, ножами и щипцами, возятся с аудиосистемой, которую папа любит запускать на полную громкость. Мне вспоминается аудиосистема, которую он соорудил, когда я была маленькой: летом двери открывались нараспашку и папа заводил Энни Леннокс или Astral Weeks, а вокруг были море и небо.

В папе ощущается какое-то напряжение: щеки запали, зрачки немного расширены. Но он рад нас видеть, и атмосфера царит благостная: мы описываем наш домик на пляже, планируем, как будем друг друга навещать. Особенно весело дразнить Дома, живописуя грядущие тяготы. На Рождество я подарила ему термобелье и стеганый комбинезон.

Папа спросил, на сколько мы приехали, и я еле удержалась от замечания, что уже пять раз ему это говорила. Пневмонию ему быстро вылечили антибиотиками, но он страдает от болей в суставах и проблем со слухом.

В углу лежит овечье руно. Характерный запах ланолина напоминает мне о детстве. Помню, как папа стриг овец, мама скатывала шерсть, а мы с братом играли рядышком. Папу нанимали стричь овец, ставить ограды, и он хорошо справлялся с этим тяжелым трудом. Кроме того, он брал на заточку ножницы других стригалей и научил этому меня: показал, как следить за искрами, разлетающимися от лезвий, как менять угол и силу нажатия.

Папа собирается отвезти шерсть знакомой, которая умеет прясть. На Оркнейских островах есть энтузиасты, занимаю-

щиеся забытыми ремеслами, и люди начинают снова интересоваться шерстью и вязанием. Мне кажется, что водоросли постигла та же судьба, что и шерсть. Когда-то эти материалы составляли саму суть шотландской сельской жизни, но со временем их ценность упала. В последнее время папа разводил одну породу овец: тех, которые сами сбрасывают руно. Стоимость шерсти так ничтожна (около одного фунта семидесяти пенсов в 2023 году), что не оправдывает усилий, затрачиваемых на стрижку. И водоросли, и шерсть – это потрясающие многофункциональные материалы, которые широко использовались в прошлом и могут пригодиться нам в настоящем.

Несколько лет назад папа сдал ферму арендатору и продал ему своих овец, тем самым покончив с фермерским делом. Я поддержала его решение, полагая, что это оптимальный выход: папа останется на ферме и будет помогать арендатору советами, но ему не придется заниматься тяжелым физическим трудом, от которого у него всё болело так, что он не мог спать.

Папе порой тяжело было найти баланс в жизни. В пятнадцать лет он пережил первый приступ психического расстройства и депрессии: ему пришлось уйти из школы, и у него диагностировали маниакально-депрессивное, или биполярное, расстройство. С тех пор он переживал периоды упадка и подъема и не раз был вынужден обращаться к врачам, но порой по много лет жил в стабильном состоянии, не

принимая никаких лекарств.

Не знаю, как он справляется с отсутствием работы. Я начинаю понимать, почему многие фермеры так никогда и не уходят на пенсию. Этот образ жизни слишком всеобъемлющий, чтобы от него можно было легко отказаться. После того как папа перестал работать, у него началась маниакальная фаза, которая привела его в больницу.

Как-то раз у нас возникла, как нам казалось, превосходная идея. В ходе грандиозного автомобильного путешествия мы должны были встретиться с моими родителями в Марокко. Мама с папой впервые за пятнадцать лет после развода собирались отдохнуть вместе. Пребывание в чужой стране вдали от собственной фермы взбудоражило папу. В один из вечеров в нашем хостеле устроили вечеринку на крыше – папа плясал там вместе с группой испанских пожарных. В этой же поездке он торговался с продавцами ковров, носил купленную в пути феску, искал, где продается алкоголь в этой мусульманской стране. Он отрывался на полную катушку, но порой путался в происходящем.

Обратный рейс родителей отменили, и им пришлось искать другие билеты. Теперь папе предстояло в одиночку преодолеть путь из Агадира до Касабланки, оттуда отправиться в Мадрид, оттуда – в Лондон (а от него до Оркнейских островов еще довольно далеко). В каждом аэропорту требовались свои прививки от ковида и свои анкеты, которые следо-

вало заполнять онлайн. Папа не привык пользоваться смартфоном. Мы помогли ему в том, что было в наших силах, и отвезли в аэропорт.

Вестей от него не было. В тот день, когда он должен был приземлиться в аэропорту Хитроу, мы звонили ему, но безуспешно. Возможно, сел телефон? Мы опасались, а не случилось ли что-то серьезное.

Вспомнив, что несколько дней назад папа проверял почту с моего ноутбука, я воспользовалась функцией «Найти телефон» (чувствуя себя детективом в каком-нибудь триллере) и увидела, что телефон находится в какой-то мадридской больнице. Как ни странно, в этот самый момент папа позвонил мне. В голосе его звучала странная бравада, язык заплетался, некоторые звуки были неразборчивыми. Заявив, что он в больнице и делать ему там нечего, он прервал разговор.

Нам удалось дозвониться в больницу, где нам сообщили, что сотрудники аэропорта, увидев папу в подозрительном состоянии, решили, что он пьян или болен. Они привезли его в больницу, но он отказался от осмотра и ушел.

Поскольку за следующий день папа так и не вышел на связь, мы обратились в местное британское консульство, и папу объявили в Мадриде в розыск. Мы понимали, что он находится в маниакальной фазе: поводом послужило и прощание с работой, и эта поездка. Дело усложнялось тем, что, как мы подозревали, у него – как некогда и у его матери – начали проявляться первые признаки деменции.

Мы с Домом и детьми, как и собирались, прилетели в Малагу, забрали фургон и решили ехать прямиком в Мадрид на поиски. Эта часть путешествия называлась «Поиски дедушки». Наша поездка была во многих отношениях рискованной, но всё должно было наладиться, как только нам удастся найти папу.

Мы сменяли друг друга за рулем, и в какой-то момент нам позвонили, сообщив: папу нашли, он снова в больнице, теперь под присмотром мадридских социальных работников.

Мы въехали в город поздно и провели ночь на автомобильной площадке, расположенной на окраине. Утром я поехала на такси в больницу, где мне сказали, что папа снова исчез: он выписался и покинул территорию в пять часов утра. Я обошла все окрестные парки и бары, заглядывая в углы, где собирались бродяги, и приглядываясь к столикам, которые, как мне казалось, могли ему понравиться.

В течение следующих нескольких дней я шла по папиному следу, пока Дом сидел с детьми. Телефон мне удалось найти в какой-то гостинице. Самого папы там не было, но после некоторых переговоров меня пустили в номер, где обнаружились его вещи: паспорт, слуховой аппарат, пакеты с табаком, сувениры из Марокко. Остальные вещи я забрала из больницы. В Мадриде всё еще действовали строгие ковидные ограничения, все носили маски. Поскольку я не знала испанского, мне приходилось полагаться на электронный переводчик. Я ездила по всему Мадриду, беспрестанно курила

и от стресса, казалось, понемногу сходила с ума.

Через день или два мы выяснили, что отца поместили в психиатрическую клинику. Его забрали после того, как нашли на каком-то уличном перекрестке: папино поведение вызвало беспокойство. Я поехала к нему, и от папиного вида у меня заболело сердце. Его пристегнули к койке (в испанской здравоохранительной системе такое допускается), он был в очень плохом состоянии и оскорблял меня. Я твердила себе, что в нем говорит болезнь.

Когда я приехала в следующий раз, ограничители уже сняли, но его по уши накачали лекарствами. Ему предстояло пробыть в клинике еще некоторое время. Я несколько дней ездила его навещать, после чего мы с Домом решили вернуться в Великобританию, чтобы дальше папой занимался мой брат. Но брату удалось забрать папу только через десять дней. Он увез его в Шотландию, и это было непростое путешествие для них обоих. Папа несколько недель провел в психиатрической больнице в Эдинбурге, после чего его наконец-то отпустили домой. Вернувшись на остров, он еще две-три недели жил у друга, затем ему вернули водительские права и он смог поехать на ферму.

В тот раз мы чуть не потеряли папу. Полагаю, что он решил попробовать пожить на пенсиив Мадриде, но план не задался. Слава богу, он не пострадал и, к нашему удивлению, даже не впал в депрессию, хотя раньше за маниакальными периодами неизбежно следовали депрессивные. Следующие

пару лет он вполне стабильно справлялся с жизнью. Я в то время находилась в пятистах милях от него, занималась работой и семьей.

Маниакально-депрессивное расстройство можно представить в виде расходящейся спирали. С возрастом эпизоды случаются всё реже. Однако поездки и перемены любого рода всегда вызывали у папы всплески маниакальной активности. Размеренная жизнь на ферме играла большую роль в его стабильном состоянии.

Он хорошо понимал, как ухаживать за землей и животными. В разное время он держал овец, хайлендских коров, свиней, лошадей (включая шотландского пони по имени Финн), птицу (кур, гусей, цесарок, уток) и множество пастушьих собак: Гейла, Зипа, Лео, Мег, Билли и Локи. Хотя со временем тяжелый физический труд – установка оград, копание ям – стал папе не по силам, сельское хозяйство придавало его жизни структуру и смысл, и это помогало ему много лет держать болезнь под контролем без помощи лекарств.

Так приятно и во многом неожиданно спустя два года после того эпизода сидеть сейчас со спокойным, улыбающимся папой в компании его внуков в его трейлере. Я расспрашиваю папу, имеют ли фермеры право собирать водоросли на побережье. В миле от нас начинается залив Скейл, и после шторма на песке или камнях можно найти множество видов водорослей: некоторые растут там, некоторые оторваны

и выброшены волнами.

Папа объясняет, что по традиции каждый фермер может забрать себе одну шестую выброшенного на северную часть пляжа, чтобы использовать водоросли в качестве удобрений. Территория Норсдайка и Скарвелла поделена на шесть ферм. Право на «приливный доход» упоминается во многих документах XVII века и в ряде купчих на местные фермы.

На побережье Сэндвик есть участок, который до сих пор известен под названием «Прилив Хэрри»: там жителям округа Хэрри было разрешено собирать моллюсков и водоросли. Взамен жителям Сэндвика позволялось добывать торф на холме Хэрри в центре острова.

Папину ферму окружают скалистые обрывы – примитивные геометрические образования. Каменистые берега – естественная среда водорослей; и моя тоже. Здесь растет редкая разновидность водорослей: фукус двухрядный *(Fucus disticus),* который водится только на изрезанных волнами северных берегах. Один морской биолог регулярно приезжает сюда изучать его, и, хотя папа слегка озадачен интересом Эндрю к редким водорослям, он всегда готов с ним побеседовать.

Ранним утром пятого января, прежде чем погрузиться на паром до острова Папей, мы едем в универмаг, чтобы запастись консервами и замороженными продуктами.

Покупатели останавливаются, чтобы поболтать друг с дру-

гом в свете люминесцентных ламп. В таких малонаселенных местах, как Оркнейские острова, при походе за покупками хочешь не хочешь, а встретишь знакомых. Наши дети уже слишком большие, чтобы ехать в тележке, поэтому они носятся по проходам.

В отделе овощей и фруктов нам предлагают чернику из Южной Африки, египетскую клубнику и чилийскую вишню. Подобное изобилие пугает и восхищает: продукты привозят со всех концов света и упаковывают в пластик. Благодаря мировой системе логистики американские чипсы Pringles, французские бриоши с шоколадом, кофе из Южной Америки и итальянскую колбасу доставляют на остров к северу от материковой Шотландии. Даже несмотря на то, что на Папее есть магазин, да и мы скоро сюда вернемся, всё же решаем набить тележку продуктами.

Ближе к кассам красуются ряды дорогих детских журналов с игрушками в комплекте: они выставлены на уровне роста ребенка. Я уже купила сыновьям по одному в дорогу, но теперь они просят еще. Хотя жизнь там, где нет универмагов, сложновата, я рада, что мы будем избавлены от подобных споров. Одно из достоинств маленького острова – отсутствие коммерции и коммерциализации, которые, как я вижу, всё чаще вредят сообществам. На острове подобных искушений будут лишены не только мои дети, но и я сама. Я совершенно сознательно буду фокусироваться на людях и природе. Мне хочется, чтобы мы нашли новые смыслы, новые поводы для

радости, не связанные с потреблением; чтобы природа и волшебство стали частью нашей повседневной жизни.

На парковке какой-то мужчина средних лет смотрит на меня, явно узнав, и я неуверенно ему улыбаюсь. Только забравшись в машину, понимаю: мы вместе учились в школе и это мой ровесник. Как странно возвращаться домой взрослой, десять лет спустя после последнего приезда. Оказывается, я уже перешла в следующее поколение.

Из магазина мы едем на набережную и осторожно заводим машину на маленький паром, который доставит нас на Папей. Фургон мы оставили на ферме.

Первым делом – камбуз. Держа детей за руки, мы спускаемся по крутой металлической лесенке и покупаем кофе, рулетики из бекона и пирожные Tunnocks. Потом поднимаемся на палубу. Паром движется на север и перед первой остановкой на Уэстрее проходит мимо островов Шапинсей, Эгилсей и Идей. Мы минуем необитаемые острова: от крохотных клочков земли до некогда оживленных, а теперь заброшенных участков. Я впервые за несколько месяцев вижу черных кайр, они же чистики. Это моя стихия, и я в восторге.

На горизонте виднеется остров Папей. У парома нет выездной платформы, поэтому машины снимают с него с помощью кранов. Стоя на палубе, мы наблюдаем, как забитую нашими вещами машину поднимают в воздух, она покачивается, а потом опускается на причал. Льет дождь. Мы на месте.

Вовнутрь

Ламинария сахаристая, или сахарина большая (Saccharina latissima)

Остров Папа-Уэстрей, он же Папей, самый северо-западный из Оркнейских островов, вытянут в длину на четыре мили, а его ширина в самом узком месте – меньше половины мили. В конце XIX века на острове проживал триста сорок один человек, но к сегодняшнему дню население сократилось до восьмидесяти человек или около того.

Десять лет назад я дважды зимовала здесь. Тогда я только недавно бросила пить, меня переполняла решимость и одиночество. Это было творческим временем, и я многому училась, стремясь заполнить пустоту, которую ранее заполнял алкоголь. Из кухонного окна нашего нынешнего дома виден Розовый коттедж: домик смотрителя Королевского общества защиты птиц, в котором я жила в то время. Помню, как сидела на кухне коттеджа и плакала, чувствуя себя одинокой. В конечном итоге именно это чувство побудило меня покинуть остров, и с тех пор я жила в Берлине, Лондоне и Йоркшире.

После приезда я закрепила на водосточных трубах нашего дома две стеноп-камеры, подарок от моего друга Роба: это

соларографические камеры[2], которые он сделал из фотобумаги и банок из-под безалкогольного пива Guinness. Мы приехали сюда вскоре после зимнего солнцестояния и собираемся уехать сразу после летнего – если повезет, эти камеры запишут передвижение солнца по небу в предстоящие полгода, всевозрастающую арку его маршрута.

Траектория визуального движения солнца и луны в течение года называется аналеммой. Если в одно и то же время суток фотографировать с одной и той же точки положение солнца или луны в небе, через год снимки покажут кривую в форме восьмерки. То, что я вернулась на остров вместе со всей семьей, кажется мне во многих смыслах кульминацией: завершением моей личной аналеммы.

Западный берег Папея обращен к Атлантическому океану. Наш дом находится на более защищенном восточном берегу. Два местных ракушечных пляжа, Норт-Уик и Саут-Уик, каждый протяженностью около мили, изгибаются и смыкаются, образуя своеобразную букву W на карте. Море между этими пляжами и островком Хоум – несколько сотен метров ярчайшей бирюзы, песчаное дно и поля бурых водорослей, придающие воде пурпурный оттенок.

С берега можно разглядеть серую крышу нашего котте-

[2] Стеноп (также пинхол) – фотоаппарат, у которого вместо объектива перед фоточувствительным элементом устанавливается заглушка с крошечным отверстием. – *Примеч. пер.*

джа. Остров с его домами – узкая прослойка между безграничностью моря и неба. Мы живем в традиционном для Оркнейских островов двухкомнатном фермерском доме: длинном, узком, расположенном перпендикулярно морю. Стены толстые, а окна – маленькие: дом строили для укрытия от природы, а не любования ей. Он много лет пребывал в запустении, но около 2000 года его восстановили, добавили застекленное крыльцо и еще две спальни.

В прошлом такой дом стоял бы в ряду таких же: здесь жило и работало множество семей. Но до наших дней в сохранности дошло всего два, а остальные лежат в руинах, заваленные плавником, и живут там только скворцы. Рядом с домом ржавеет фургон, подпираемый бетонными блоками. В коровнике без крыши полно ярких рыболовных буйков. Вместо ограды граница между полями размечена старыми рыбацкими корзинами.

В первое утро я выхожу из дома и слышу рокот винтового самолета и крики кроншнепов: оба этих звука очень характерны для острова. Оттуда, где я стою, можно разглядеть хижину смотрителя на природоохранной территории Королевского общества защиты птиц на Северном холме, а также школу и гостиницу в южной части острова. Если смотреть на юго-восток, можно увидеть скалы острова Идей, а на северо-востоке виднеется остров Норт-Роналдсей.

Наш дом расположен в очень живописном месте. У него

есть характер, а внутри постоянно холодно и дует. Кухня здесь совмещена с гостиной: это просторное помещение, и единственный источник тепла здесь – камин. Скомкав несколько листов старых выпусков газеты *The Orcadian,* я накрываю их пригоршней щепок, кладу таблетки для растопки, чиркаю спичкой и надеюсь, что получится развести огонь. Дров на Оркнейских островах немного, поэтому мы будем топить купленным в магазине углем.

Я распаковываю привезенный из дома ковер, одеяло и новое постельное белье. В спальне стелю разноцветное вязаное покрывало – его мне подарили, когда я уезжала с острова десять лет назад, и с тех пор оно сопровождало меня повсюду: в Стромнессе, Берлине, Лондоне, Йоркшире. Теперь оно вернулось домой.

В традиционных оркнейских домах помещение разделялось очагом на две части: внутреннюю и внешнюю. Во внешней держали скот (например, коров или свиней), а во внутренней женщины готовили, пекли, пряли и вязали, а местные жители собирались там, чтобы пообщаться за едой.

Я размышляю о том, что сейчас – «внутренняя» фаза моей жизни, посвященная дому. Я никогда не думала о материнстве и не считала его чем-то ценным, пока сама не стала матерью. Как и многие из нас, воспринимала свою мать как должное. Но в последнее время мне всё чаще приходит в голову, что за мной стоит долгая вереница жен фермеров, умелых хозяек. Возможно, поэтому я с такой радостью теперь

готовлю для собственной семьи такие традиционные блюда, как рыбный пирог или баранье рагу, и слежу, чтобы у всех была теплая одежда.

Перед нашим приездом на острове несколько недель штормило, и берег завален водорослями, выброшенными волнами. Острову пришлось нелегко, как и людям: вокруг только и разговоров, что об ужасной погоде, сильнейшем ветре и дожде. Соседская пристройка лишилась крыши. Рождество выдалось непростым. Но мы бурю не застали: напротив, в наши первые дни на острове воцарилась непривычно солнечная и тихая для января погода.

Когда я плаваю на рассвете, море окрашено в розовые тона. Наш дом стоит так близко к воде, что я могу быстро спуститься, проплыть свои сорок пять махов и всего через несколько минут уже стоять под душем. Это настоящая роскошь, и я планирую повторять заплывы ежедневно.

В один из первых дней я срываю ламинарию сахаристую, *Saccharina latissima,* которую на Оркнейских островах также называют «скитер». Это огромные бурые водоросли причудливых форм. Я плыву к берегу, а за мной по воде стелются пышные оборки, и я кажусь себе великолепной морской ведьмой.

Вернувшись домой и приняв горячий душ, я развешиваю добычу на улице. Ламинарию сахаристую называют «бедняцким барометром»: с ее помощью можно кое-как предсказы-

вать погоду. Если она на ощупь сухая, день будет ясный. Если мягкая и влажная – жди дождя. Водоросли способны восстанавливать свой уровень влаги, а повышенная влажность воздуха может указывать на вероятность дождя. Кроме того, с помощью ламинарии сахаристой легко определять направление ветра. Через несколько ветреных дней моя находка исчезла. Еще одна примета: если ваш бедняцкий барометр сдуло – ветер довольно сильный.

В первый день школьной жизни мы с детьми покидаем дом в розовых рассветных лучах. Школа стоит на центральной улице острова рядом с церковью, приемной врача и почтой. Мои сыновья (на островном диалекте детей называют *youngeens* или *bairns*) будут учиться в крохотной островной школе: с их приходом количество учеников вырастет до девяти. Три малыша, включая моего Айвора, идут в начальную группу, а Робин и другие пятеро ребят от пяти до десяти лет – в основной класс. В первый день все немного стесняются, но на следующий становятся единой бандой. Учителя и другие сотрудники школы рады новым ученикам.

Одна из причин, по которым я хотела сюда приехать, заключалась в том, что здесь всегда рады семьям с детьми. В последнее время количество учеников в школе упало до одного-двух в год, и для того, чтобы она продолжала работать, острову нужны дети. Если школа закроется в связи с нехваткой учеников, это будет настоящий удар для острова. Моло-

дые семьи уже вряд ли захотят сюда приехать, и убыль населения только ускорится. Кроме того, школа дает рабочие места: здесь есть учителя, секретарь, повар и водитель автобуса.

В более южных школах проводятся конкурсы на поступление, в классах учится по много детей одновременно, все обсуждают парковочные места и листы ожидания. Здесь всё наоборот: пустые дома, пустые парты. Этот остров приглашает новых жителей, и я готова ответить на приглашение. Здесь можно обрести то чувство сопричастности, которого многим недостает. Но жизнь здесь не для слабых духом: удобства и развлечения крайне ограничены.

Я встаю в семь утра, за два часа до рассвета, включаю обогреватели, открываю и закрываю двери, изучая дом. В половине восьмого варю овсянку в январской тьме под Radio Orkney. Мне вспоминаются такие же мрачные зимние утра перед школой – несколько десятков лет назад. Интересно, конечно, сколько в моем желании приехать сюда было стремления снова пережить фрагменты собственного детства.

Иногда мы выходим навстречу автобусу. Робин держит меня за руку, и я поторапливаю его: боюсь, что мой ребенок выглядит медлительным или неуклюжим. Дело в том, что, устроив детей в местную школу, я начала живо вспоминать, как сама была школьницей. В 1980-е меня, родившуюся на Оркнейских островах, называли «англичанкой», поскольку мои родители приехали из Англии. Мне до сих пор

страшно предстать перед местными чересчур громогласной или неловкой: два типичных, как считают тут, качества англичан. В мое время школьный автобус находился вне юрисдикции учителей и родителей и там процветала травля.

В ту первую неделю мы забирали детей из школы и вместе шли домой по пляжу в лучах заходящего солнца. Как-то раз мы остановились и устроились на камнях, чтобы понаблюдать за тюленями: их было на удивление много и они подплыли совсем близко. Мы спокойны, мы наблюдаем за природой, мы вместе, и кроме нас на пляже никого нет. В этот момент кажется, что приехать сюда было верным решением.

Мальчики собирают выброшенные волнами на берег водоросли и размахивают ими, словно флагами. Низкое зимнее солнце рисует четкие тени. Над горизонтом уже взошла пузатая убывающая луна. Мне вспоминаются легенды о детях на острове, которые гоняются друг за другом с водорослями в зимнее полнолуние. Мои дети, сами того не ведая, оживляют древние традиции. Они выбирают ламинарии себе по росту и с визгом размахивают ими в воздухе.

Одни из самых ярких моих детских воспоминаний – игры с другими детьми вдали от взрослых. Помню Ночь костров на берегу залива Скейл: огромный костер из старых изгородей и досок, которые стащили с окрестных ферм, жар и свет пламени на контрасте с ледяной темнотой ночи. Мы, дети, носились по песчаным дюнам, а взрослые стояли вокруг ко-

стра, разговаривали и выпивали. Ветер пах водорослями.

Помню, как в теплые солнечные дни соседские дети приезжали на велосипедах. Все знали, что у нас на ферме есть проход к морю: мы с братом и друзьями сбегали по полю, перелезали через забор и спускались по камням, чтобы искупаться в образующихся между ними природных бассейнах. Уровень воды в них менялся во время прилива, и мы прыгали вниз на спор. В этих водоемах плавали большие ламинарии с резными слоевищами и клубки химанталий, переливавшиеся на солнце. Когда мы прыгали в воду, наши ноги погружались в блестящие водоросли. *Skyran* – оркнейское слово, обозначающее нечто очень яркое, сверкающее. Эти воспоминания для меня – *Skyran*.

Зимой самолет с острова Мейнленд прилетает на наш остров дважды в день, а паром из Керкуолла приходит два раза в неделю. Каждый день маленький паром курсирует между Папеем и соседним островом Уэстрей. По вторникам на пароме привозят продукты, поэтому лучшее время, чтобы запастись свежими фруктами и овощами, – утро среды. На острове есть свой торговый огород, но, несмотря на суперсовременные теплицы, до лета урожая ждать не приходится.

Кооперативный магазин на Папее работает четыре часа в день. Он расположен в том же здании, что и гостиница и местный клуб, – Белтейн-Хаус. На доске объявлений сообщают о предстоящих мероприятиях, вывешивают новости

местных служб и открытки от бывших жителей. Здесь на мое йоркширское приветствие отвечают местными, оркнейскими словечками. Надеюсь, с продуктами привезут и кондитерские изделия из пекарни на Уэстрее.

Для острова с населением восемьдесят человек здесь царит бурная жизнь. Во вторник планируется урок танцев, в среду утром – кофепитие, в субботу приезжий поэт будет читать стихи, а в воскресенье приезжий художник будет обучать желающих созданию эстампов. По субботам в гостинице наливают выпить. Кроме того, на острове устраивают обеды, разговорные группы для изучающих французский, хоровые занятия и церковные службы. При желании здесь можно вести светскую жизнь.

Мы не задержимся надолго и не успеем присоединиться ни к одному из комитетов, на которых основана островная жизнь: кооператив, общественная ассоциация, фонд развития и так далее. Но меня добавили в чат любителей птиц Papay Birders, в чат родительского совета, в группу островных жителей и почтовую рассылку.

У местных жителей обычно по нескольку занятий сразу: сельское хозяйство, уборка, вождение, работа на пирсе, летном поле или в магазине. Кроме того, здесь есть и пенсионеры, и многие из них переехали сюда из других частей Великобритании.

В один из солнечных ветреных дней я случайно ловлю рукой что-то невероятно мягкое и легкое: оторванный кроли-

чий хвост.

Мы бываем на «большой земле», то есть в Керкуолле на Мейнленде, чаще, чем я предполагала. Нам повезло, что в Керкуолле живет моя мама и у нас есть где остановиться. Каждые две-три недели мы садимся в самолет и проводим там день-другой, закупаемся в супермаркете и аптеке, приобретаем новые резиновые сапоги и ходим в бассейн. Както раз я встречаю одноклассницу, но, приглядевшись, понимаю, что это ее дочь-подросток.

Маме семьдесят с небольшим – высокая женщина в очках, крепкая физически, с мягким голосом. Она бегает по лестницам, ездит в магазин на горном велосипеде, принимает у себя дома туристов, друзей и окрестных детей. В шестьдесят она увлеклась каякингом, вступила в местный клуб и до сих пор регулярно плавает летом. Дома у нее висят гидрокостюмы, картины, нарисованные местными художниками или купленные в благотворительных магазинах, – и всегда есть удобное место для ночевки.

Мы пропустили все рождественские и новогодние гуляния. Хогманай – так в Шотландии называют Новый год – на Папее отмечают особенно душевно: в полночь начинается церковная служба и затем всю ночь до рассвета островитяне ходят друг к другу в гости, предлагают угощения, выпивку и игры.

Кроме того, мы пропустили протесты, о которых писали в

шотландских газетах: выступления против новой лососевой фермы, которую хотят устроить в двух милях от острова. К западу от Папея уже есть три фермы. С восточной стороны нет ни одной, и именно там и предлагается установить шесть сетчатых контейнеров, каждый – с окружностью сто шестьдесят метров.

Демонстранты опротестовали проект: их беспокоит шум, потенциальная порча вида, но более всего – загрязнение вод отходами фермы и другие угрозы морской среде. Демонстрация проходила на пляже, в интернете собирали подписи, и противникам проекта предлагалось подать жалобу. Я видела фотографии – знакомые мне люди с плакатами в руках: «Папей против!», «Хватит ферм!» и «Глобальное загрязнение». Хотя протестующие наделали много шума, они выражали мнение не всех жителей острова. Дело в том, что лососевая индустрия предоставляет рабочие места местным жителям: предприятия действуют на Уэстрее и в Керкуолле.

Я решила приехать на остров Папей в том числе потому, что слышала рассказы о том, какое гармоничное тут сложилось общество и как все жители ладят друг с другом. Я вижу, как на других островах среди жителей случаются конфликты: особенно часто разногласия возникают между коренными островитянами и людьми, приехавшими недавно. Неудивительно, что они по-разному смотрят на вещи. Чтобы современные островные сообщества могли успешно функционировать, людям необходимо учиться принимать точки

зрения, отличные от их позиции: это гораздо важнее, чем в большом городе, где куда легче замкнуться в обществе единомышленников.

Несмотря на протесты, базирующаяся в Норвегии канадская компания получила разрешение на строительство новой лососевой фермы. Она станет одной из самых крупных ферм во всей Шотландии: общий объем биомассы будет доходить до трех тысяч восьмисот пятидесяти тонн, и ферма займется поставкой органического лосося в дорогие супермаркеты вроде Waitrose и Tesco.

Я разложила книги и ноутбук на застекленной веранде, обращенной к морю. Это будет мой кабинет: комната в нескольких метрах от воды с выходящими на три стороны окнами – словно капитанская рубка. Здесь природа совсем близко, поэтому я зову свой кабинет Комнатой Стихий.

Северный ветер снова усилился, и мокрый снег липнет к окнам моей Комнаты Стихий. Ветер одновременно тонко завывает и низко ревет. Я выметаю залетающий в комнату песок.

Направление ветра можно определить по тому, как гнутся растущие снаружи кусты лозняка. Я опасаюсь, как бы их не вырвало из земли. Ветер дует с севера, навстречу волнам, и они покрыты белыми барашками. Под порывами ветра шатается наш автомобиль. Он ржавеет на глазах, как и прочие островные машины, которым уже не потребуется техосмотр:

они прибывают сюда, чтобы дожить последние дни. Мимо окна пролетает подгоняемый ветром полевой лунь, и его серебристые крылья блестят в низких лучах зимнего солнца.

Я постоянно даю себе разного рода зароки, связанные с использованием устройств, и так же часто их нарушаю: верный признак зависимости. Социальные сети только по пятницам, никаких гаджетов в спальне. Моя концентрация на нуле, ум беспокойно мечется. Многие часы уходят на цифровой шум, постоянные раздражители: завирусившиеся ролики, рекламу, уведомления, сообщение от магазина, где я семь лет назад купила ночную рубашку, видео о том, как строят миниатюрные дома, трогательные съемки мужчины, танцующего с дочерью, старые прослушивания на X Factor, «согласны ли вы на использование куки-файлов» и «насколько вероятно, что вы порекомендуете нашу компанию знакомым».

Пребывание на Папее для меня – шанс перезагрузиться. Свобода действует лучше ограничений. Мне кажется, что отличным противоядием от интернета могут стать водоросли. Мне хочется детально изучить одну тему, а не метаться по поверхности десятка. Так и выглядит свобода. Мне хочется полностью отдаться здоровой одержимости.

Я вешаю под потолком Комнаты Стихий найденную на пляже рыбацкую бечевку – такой пользуются при ловле крупной рыбы вроде тунца. На этой веревке будут висеть образцы водорослей: первой я прикрепляю ламинарию сахари-

стую, которую, как говорят, можно высушить и есть как чипсы.

Я планирую погрузиться в изучение водорослей Саут-Уика, исследовать их, не отходя далеко от дома, на протяжении следующих шести месяцев, примечая изменения, связанные со сменой погоды и времен года, с приливами и бурями. В первые же два месяца я буду просто наблюдать и учиться добывать и идентифицировать все местные виды водорослей. Я и сама в некотором роде стану водорослью.

Отлив

Пельвеция желобчатая (Pelvetia canaliculata)

Отлив обнажает валуны, известные как Лессес-о-Майбо и Сюрхуз-Тэйнг. Эти осадочные валуны, расположенные на пляже прямо рядом с нашим домом, погружены на разную глубину в песок и скошены по направлению к морю. Они покрыты лиловым налетом, а в выемках копится вода.

Сюрхуз-Тэйнг (по-оркнейски *taing* значит «язык») – это каменистая гряда, которая во время отлива почти соединяется с островком Хоум. На некоторых картах Папея Сюрхуз-Тэйнг даже не отмечен, потому что в прилив его полностью покрывает вода. Так что же это – часть острова или морского дна? На других картах он отходит от восточного берега острова: каменистый крюк, темный язык. На современных картах Google спутниковые снимки делались во время прилива, и на присутствие Сюрхуз-Тэйнг намекает только цвет воды. С берега этот участок выглядит темным пространством, заполненным водорослями. Это мой новый объект изучения: динамическая среда, меняющаяся в зависимости от света, ветра, времени года и приливов.

Зона между отметками высокого и низкого уровня воды – приливно-отливная зона, которую морской биолог и писа-

тельница Рейчел Карсон называет «миром отлива», – также называется прибрежной полосой или, на языке науки, эвлиторальной зоной. Но самый изящный термин для обозначения приливно-отливной зоны – это оркнейское слово *эбб* (ebb), которое, собственно говоря, можно перевести как «отлив». Великий оркнейский писатель Джордж Маккей Браун регулярно употребляет это слово: «они шли в деревню через отлив» или «вода, оставшаяся в камнях после отлива». Таким образом, «отлив» здесь – и место, и процесс.

У многих видов водорослей есть оркнейские имена. Например, пальмарию тут называют *сусоль* (sou-sol), что созвучно исландскому и норвежскому *søl*. Мне приходилось слышать, как называют *мирклом* и фукус пузырчатый, и аларию съедобную. Растущие на камнях фукусы – бурые, как пузырчатый или зубчатый, – называют тут *тангами,* и это совпадает со шведским и датским словом *tang,* обозначающим водоросли. Аскофиллум, или фукус узловатый, называют *колокольным тангом* (bell tang), фукус зубчатый – *колючим тангом* (prickly tang), а пузырчатый – *черным* (black tang) или *гнутым* (bow tang) *тангом*.

Ламинарии, растущие за границей отлива и постоянно погруженные в воду, называют *вер* (ware), что значит «добыча», поскольку их регулярно выносит на берег. Некоторые виды ламинарий, пальчаторассеченную и северную, именуют *танглами* (tangle). Оркнейское обозначение водорослей в целом звучит как *танг-и-вер* (Tang and Ware).

Собирая водоросли во время отлива, я замечаю, как всё вокруг шипит: испаряется вода, хрустит соль. У отлива есть звук. Я ощущаю, что нахожусь в зоне постоянного движения, где вода то прибывает, то убывает у меня под ногами.

Утром отвожу детей в школу и возвращаюсь домой, а у двери уже накопилась целая коллекция гальки, водорослей и плавника. Внутри дома действует своя приливно-отливная зона. На столе громоздятся вымазанные джемом тарелки и миски из-под хлопьев, оставшиеся после первого, второго и даже третьего завтрака Айвора, крылатый автомобиль из Lego, который мне удалось убедить сына оставить дома «для сохранности», и расческа, которой я успела пару раз провести по его кудряшкам.

Айвор неукротим. Ему три с половиной, и сразу после пробуждения он требует овсянку. Каждое утро в половине седьмого он марширует к нам в спальню, мы еще немного дремлем вместе, и на это время он словно снова становится младенцем. Потом начинается еще один день, когда он полон сил и энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.